

СЦЕНА — МОЙ КРЕСТ

(НИЛ БОГДАНОВСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ)

Владимир ЗАХАРОВ, кандидат филологических наук

От юности моя мнози
борют мя страсти.

Сценическое искусство — по крайней мере, до появления звуко- и видеозаписывающих устройств — в большей мере было подвержено забвению, нежели литература, живопись или музыка. Далеко не всегда даже великому артисту выпадала удача «заполучить» такого отзывчивого, красно-речивого, а главное — такого влиятельного в потомстве зрителя, как, например, Белинский, благодаря статьям которого мы почти осязательно представляем себе игру Мочалова, Щепкина, Каратыгина и др. И уж совсем обреченными в этом смысле выглядят провинциальные таланты, поскольку в большинстве российских губерний длительное время не существовало не только регулярной театральной критики, но и самой обычной периодической печати, которая хотя бы фиксировала события местной культурной жизни. Именно поэтому театральная жизнь Смоленска XVIII, отчасти даже XIX века, все еще остается плохо известной, наши представления о ней полны пробелов и неясностей. На эту тему до сих пор не написано ни одной специальной работы, а в общих обзорах (М. К. Семенова и М. Л. Титова — 1963 год, С. М. Яковлева — 1968, Д. И. Будаева — 1992) минувшим столетиям поневоле отводится лишь несколько страничек с перечислением разрозненных событий, имен и названий. Живым человеческим материалом (а без него театральная история мертва) раннее время смоленской сцены еще не наполнено.

Положение, однако, не столь безнадежно, как представляется с первого взгляда. Кропотливо выявляя скупые газетные строки и еще более редкие архивные документы, историки театрального дела почему-то прошли мимо некоторых источников мемуарного характера. Между тем они содержат немало интересных сведений и заметно оживляют наше театральное прошлое, показывают его не только с фактографической, официальной, но и с личной, психологической, бытовой стороны — в характерах и положениях. Именно к таким, донныне не востребовавшимся, материалам принадлежит книга «Сцена — мой крест» нашего земляка Н. И. Богдановского, довольно

известного в свое время провинциального актера и литератора, выступавшего под сценическим именем «Нил Мерянский», а в прессе — под псевдонимом «Старец Нил». Эта любопытная книга вышла в 1914—1915 годах в Новгороде двумя небольшими томиками тиражом в тысячу экземпляров с весьма размахистым посвящением («Врагам, друзьям и ученикам актера Мерянского») и с назначением возможных от нее доходов «больным и увечным воинам» (был разгар Первой мировой войны), престарелым артистам, а также «недостаточным учащимся» Новгородской, Смоленской и Симбирской гимназий — эти три города, как увидим, были главными вехами на причудливом жизненном пути автора книги.

Н. И. Богдановскому на склоне его дней, после полувековых актерских странствий по городам и весям обширной российской империи, и в самом деле было что вспомнить и о чем порассказать своим читателям. Достаточно отметить, что в разное время судьба сводила его с такими известными в истории отечественной культуры людьми, как прозаик Боборыкин, поэт Фофанов, публицист Шелгунов, издатель Краевский, актеры Долматов, Ленский, Андреев-Бурлак, звезда русской сцены Мария Гавриловна Савина. Да и сам мемуарист — эффектная и очень не бесталанная личность. Для нас же, смолян, весьма значительна также краеведческая ценность этого раритетного по нынешнему времени двухтомника.

* * *

Нил Иванович Богдановский родился в 1847 году в семье личного секретаря смоленского архиерея. В нашем городе прошло его детство и началась учеба: сперва у псаломщика архиерейского дома отца Валериана, который вколачивал азбуку в своего подопечного главным образом кулаком и линейкой, потом в частном пансионе некоей Арины Голощиповой, умевшей драться с учениками не хуже отца Валериана, и наконец, в смоленской губернской гимназии, переживавшей, судя по всему, не лучшие свои времена. Надо признать, что и здесь из Нилки Богдановского не получилось послушного и прилежного ученика, так что сивому гимназическому сторожу Осипу Антоновичу по требованию раздраженных наставников (чаще всего это был учитель математики) тоже то и дело приходилось по субботам раскладывать мальчишку на лавке, дабы «изгнать у него розгочкой всю лень из-под колен». Видимо, по этой «болезненной», так сказать, причине гимназический мундирчик с красным воротником, медными пуговицами и смоленским гербом, как и все вообще, что было связано в прошлом со школой и учителями, вспоминаются Богдановским без обычного в таких случаях умиления и пиетета, а наоборот — с глубоко укоренившимся недоброжелательством. «Жесткосердые учителя прихотчивали нас к науке не словом ласки, а кулаками, линейками и розгами», — уверяет он. Большинство представителей смоленского учительского сословия выглядит в мемуарах далеко не лучшим образом. Похоже, что их автор не смог подняться здесь над старыми обидами, хотя, с другой стороны, и в истории гимназии, самого заслуженного и старинного учебного заведения нашей области, далеко не все и не всегда было благополучно. Как бы там ни было, книга Богдановского «Сцена — мой крест», хотя бы ради объективности, должна быть представлена в экспозиции созданного уже в наше время гимназического музея.

Современных краеведов в воспоминаниях Богдановского несомненно привлекут также нелицеприятные характеристики деятелей губернской администрации, представителей интеллигенции и церковного клира, колоритные подробности быта и нравов старого Смоленска. И все же главный

уклон книги, в полном соответствии с ее названием, — специфически теат-
ральный.

Артистическое призвание, «бесповоротный порыв к сцене» недвусмысленно и очень бурно проявились у Нила Богдановского уже в самом раннем возрасте, после того, как 3 января 1852 года, пятилетним мальчиком, он побывал со своим отцом на спектакле «Что имеем — не храним» (надо полагать, это было выступление каких-то заезжих комедиантов, поскольку собственного театра в тогдашнем Смоленске еще не было). Происходящее на сцене так потрясло маленького Нилку, что ночью у него подскочила температура и начался бред. Перепуганная нянька Прокофьевна принялась даже — от греха — «спрыскивать ребенка с уголька». Силен, однако же, враг рода человеческого — не подействовал уголек. Во весь следующий день, невзирая на уговоры и суровые окрики взрослых, Нилка никак не мог остановиться и продолжал распевать во все горло куплеты из вчерашнего водевиля. Вечером его высекли. Какое там! В мальчишку словно бес вселился. Совратив вослед себе в ближайшее время сестер и братьев, малолетний антрепренер сколачивает тайком собственную артистическую шайку и начинает систематическое передразнивание в лицах всех подряд знакомых и родственников. Особым успехом у окрестной мальчишеской публики поначалу пользовалась имитация соборного богослужения, которое, благодаря отцовской должности, Нилка знал досконально, причем не только в торжественном его варианте, но и с закулисной стороны, в те его моменты, когда соборные клирики, готовясь к священному действию, словно актеры перед выходом на сцену, расчесывают перед зеркалом волосы, обдергивают стихари и ризы, раздувают угли в благовоинных кадилах и при этом, как ни в чем не бывало, самым беззаботным образом весело беседуют о посторонних вещах. Какое уж там благолепие, какой страх божий! Почему бы и маленьким лицедеям не разыграть соборную мистерию? Повязав из головы черные платки и подтянув почти до ушей материнские юбки, они самозабвенно подражают актерам соборного двора, а их премьер Нилка, дополнив свой маскарад тяжелой отцовской тростью, являет зрителям самого преосвященного — сурового епископа Тимофея.

После того, как «игра в попов» прискучила, группа Нилки Богдановского переключается на другое высокоуважаемое сословие — воинское, на сюжеты из проходивших «по табельным дням» гарнизонных парадов и смотров. Сам Нилка и тут вскорости отличился и всех превзошел: подражая по ходу дела известному в Смоленске грубияну и матерщиннику полковому командиру Ивану Никитичу Белановскому, он так виртуозно и к стати уснащает свою партию великолепным полковничьим матом, что зрителей охватывает веселый ужас и мороз подирает по коже. Талант, ничего не скажешь!

Вся округа зовет теперь Нилку не иначе, как «комедиантом».

Почтенных родителей юного пересмешника в конце концов охватила самая натуральная паника. Ни уговорами, ни битьем, ни самыми достоверными сообщениями с того света, где черти, оказывается, заставляют фигляров и паяцев лизать раскаленные сковородки, им не удается отвести сынишку от непристойного кривлянья и кощунства. Отец, судя по всему, не раз и не два покаялся в том, что так неосмотрительно прихватил с собою Нилку тем памятным январем, идучи на непотребное светское зрелище. Забегая вперед, скажем, что родители Богдановского так никогда и не примирятся с тем, что их «Нилочка пошел по балаганной части», до конца своих дней будут переживать его профессию как величайший позор, как громадное семейное несчастье. «Я долго молчал, смотрел и убедился, что ты навек не человек», — очень искренно и горько напишет отец сыну много

лет спустя. И в этом нет ничего необычного: таковы были в ту пору повсеместные, расхожие обывательские представления о театре, о его людях и нравах.

* * *

В 1861 году семейство Богдановских вынуждено было покинуть Смоленск и перебраться в Симбирск, однако и там, судя по всему, дела сложились не лучшим образом. Во всяком случае, через некоторое время родители оставляют строптивого Нила в Симбирске доучиваться в одиночку, а сами с остальными детьми отправляются на поиски лучшей доли — сначала в Москву, потом в Белоруссию.

«И щуку бросили в реку», — так, видимо, точнее всего будет определить новое житейское положение юного «комедианта».

Разумеется, гимназист Богдановский тут же делается завсегдатаем симбирского театра, проникает за его кулисы, знакомится с актерами — вплоть до того, что с несколькими великовозрастными однокашниками, столь же завзятыми театрами, как и сам, организует свою маленькую труппу и даже не без успеха гастролирует с нею в Сызрани. Жить-то надо! Учеба, само собою, отступает на второй, если не на третий план. В шестом классе из-за неладов с геометрией «комедианта» оставляют на второй год (равновесия ради упомянем, что с литературой зато отношения были всегда самые благополучные). Дурная репутация Богдановского усугубляется в глазах гимназического начальства замеченной у него склонностью к вольнодумным стихам Огарева и Некрасова, а также собственными его предосудительными публикациями в рукописном ученическом журнале «Складчина», возникшем, опять-таки, не без его непрямого участия. Дело дошло до обыска на квартире. В конце концов, чаша терпения благонамеренных воспитателей переполнилась — Богдановского исключают из гимназии. Без образования и профессии, без денег и знакомств начинает он свое плавание по морю житейскому, поиски своего места под солнцем.

«Сцена — мой крест», — утверждает Богдановский. В этих словах нет преувеличения. С годами его детская страсть к пародии и перевоплощению приняла поистине роковой характер. Где бы он ни был и чем бы ни занимался (а после Симбирска ему придется еще поработать сортировщиком почты в могилевских Горках, учеником аптекаря и мелкой сошкой губернского правления в Харькове) — на первом плане у него всегда будет театр и только театр, да и сам он, и в жизни, всегда и везде, без устали и по любому поводу, по недовольному замечанию его харьковского начальника, «балаганил словно Петрушка». В Горках без Нила не обходится ни один любительский спектакль, в Харькове он не пропускает ни единой премьеры городского театра (кстати, одного из лучших в империи) и помещает отзывы на них в «Губернских ведомостях». В 1865 году, т. е. семнадцати лет, сочиняет некую драму из монастырской жизни под названием «Выродки». Его прямо-таки распирает жажда театрального самовыражения. Сегодня, с большого расстояния, кажется, что Богдановский, действительно, был обречен стать артистом, не мог не попасть в конце концов на профессиональную сцену. Даже и по натуре своей он как нельзя более подходил для этого вольного, кочевого образа жизни, для богемной, полунищей и самолюбивой актерской братии.

Примечательно, что это заветное желание Богдановского, это долгожданное событие сбылось не где-нибудь, а опять-таки в его родном Смоленске, куда житейские невзгоды вернули его в 1866 году и где, по счастливому совпадению, только что под руководством антрепренера Сократа Прозоровского сформировалась интересная труппа и был открыт первый в

истории города стационарный театр. Недолго поколебавшись, Прозоровский зачисляет в свою труппу неизвестного юнца — «скубента», как он его иронически окрестил (вероятно, за крайнюю молодость, поскольку ни в каких университетах, кроме житейских, Богдановский, как мы знаем, никогда ничему не учился). Свершилось! Помолвившись на всякий случай накануне в Успенском соборе путеводительнице Одигитрии, девятнадцатилетний шапалай впервые в жизни поднимается на настоящую, взрослую сцену.

Дебют безвестного «скубента» в театре Прозоровского оказался на редкость удачным. После нескольких эпизодических, пробных выходов в ролях без слов, Богдановский сыграл роль лакея Степана в пьесе Островского «Не в свои сани не садись» — и дело пошло. Публика быстро заметила красивого, бойкого новичка, симпатии к нему растут от спектакля к спектаклю. Юному актеру начинает покровительствовать сам губернатор Богдановский. Освоившись, неопит подбирает себе сценический псевдоним — «Мерянский»: в память любимого жителями смоленского шута, гроб с телом которого совсем недавно «весь город провожал до Окопа», т. е. на старое рачевское кладбище.

Страницы мемуаров Богдановского, посвященные второму в его жизни смоленскому периоду, имеют немалую ценность для театральной истории нашего города. Мы узнаем от него массу подробностей о театре Прозоровского, касающихся репертуара, состава труппы, амплуа актеров, отношений между ними и антрепренером, между театром и меценатствующей губернской знатью. Под бойким, хлестким, бесцеремонным пером Богдановского все это предстает перед нами в живых картинах, в запоминающихся хотя, быть может, и несколько шаржированных портретах. При всех возможных оговорках, книга «Сцена — мой крест» — незаменимое подспорье для всех, кто интересуется историей первого в Смоленске профессионального театра.

Что касается самого автора воспоминаний, его актерская судьба, так удачно начатая в Смоленске, еще долго, хотя и с переменным успехом, будет продолжаться на подмостках Орла, Тулы, Муром, Арзамаса, Одессы. «Наша бродячая профессия — из края в край земли чужой», — говорится в его книге. Одно время, в Вятке, Богдановский даже держал собственную антрепризу. Не без успеха выступал в известном московском театре Федора Корша — в любимой роли гоголевского городничего из «Ревизора». Приглашали его на пробу даже в Петербургский императорский театр — знаменитую Александринку. Любимыми драматургами нашего земляка были всегда Гоголь и Островский. Предпочтительное амплуа, судя по всему, комическое, хотя приходилось выступать и в ролях первых любовников.

Где-то ближе к старости Богдановский прекращает, наконец, свои бесконечные скитания, оставляет сцену, поселяется в Новгороде, где работает над воспоминаниями и — неугомонный человек! — даже выпускает небольшую собственную газету под названием «Волховский листок». И снова, как когда-то в гимназиях, как в Смоленске у Прозоровского, где о нем в конце концов поползли слухи как о «беспокойной сорви-голове, способной на колебание основ» (именно из-за них пришлось спешно перебраться из Смоленска в Орел) — так и в Новгороде, только теперь уже на газетном поприще, начинаются привычные неладья с блюстителями порядка, с местными властями предерживающими. Судя по всему, «актер Мерянский» так и не захотел научиться обывательскому благоразумию, мимикрии, так и остался вольным, дерзким, неунывающим человеком. В том числе, между прочим, и в интимной области. Еще в смоленской гимназии влюбчивого Нилку секли за переписку с воспитанницами женского училища. И впоследствии он не раз оказывался в нескромных и опасных донжуанских ситуациях, достойных мольеровского героя. Вот и теперь в Новгороде, закорене-

дый поклонник женского пола и бонвиван, он женится на девушке сорока двумя годами его моложе. Это была вторая женитьба Богдановского.

* * *

В качестве маленького постскриптума к биографии нашего героя не лишне, видимо, будет упомянуть, что своей необычной тягой к театру он отчасти обязан еще одному позабытому нашему земляку (о нем нет сведений даже в музее его родной гимназии) — старшему учителю российской словесности Константину Васильевичу Широкову. Один из лучших смоленских педагогов своего времени и вообще уважаемый в городе человек, Широков вместе с тем самозабвенно любил сценическое искусство и имел к нему немалые способности. Он был непререкаемым участником городских любительских спектаклей. Гимназист младших классов Богдановский с ума, бывало, сходил от учителя литературы, особенно когда тот играл сваху из гоголевской «Женитьбы». До конца дней Богдановского никто из профессиональных исполнителей этой роли так и не затмил в его памяти широковскую сваху. «Широков, сознаюсь, послужил самым главным основанием моему поступлению на сцену», — сознается он в мемуарах. Богдановскому, в свою очередь, всегда хотелось и самому выступить перед бывшим учителем, однако, когда спустя несколько лет, уже при губернаторе Лопатине, по случаю гастрольной поездки, он снова приехал в Смоленск, Широкова уже не было на этом свете.

Как видим, смоленская гимназия все-таки оказала влияние на формирование личности и профессиональный выбор своего нелюбимого ученика — правда, совсем неожиданным для себя образом.

Такова лишь в самых общих чертах экстравагантная и колоритная личность Нила Ивановича Богдановского — вышедшего из нашего города актера и публициста. Думается, его автобиографическая книга «Сцена — мой крест» не утратила не только познавательного, краеведческого, исторического, но и чисто человеческого интереса — при всех серьезных упреках, которые могут предъявить ему строгие моралисты. Ее с удовольствием прочтут те из нас, кто ценит нестандартных людей и кому не безразлично прошлое нашей «малой родины». Дело за издателем, который бы, спустя восемьдесят лет, выпустил книгу Богдановского во второй раз — пусть не в помощь «увечным воинам» и «недостаточным учащимся», как это сделал когда-то великодушный автор, тем более не по соображениям выгоды, ибо никаких особых доходов с этого дела, конечно же, не предвидится, а единственно во имя лучшей связи времен и поколений, ради смолян и Смоленщины.